

Михайлова Е. В.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БИБЛЕЙСКОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

При решении проблемы взаимодействия языка, культуры и религии, ученые все чаще стали обращаться к изучению библейской лексики и библейских текстов, что обусловлено стремлением, познать особенности религиозного общения в разных культурах. Данная статья посвящена анализу типов дискурса. Цель статьи – выделить англоязычный библейский дискурс как тип дискурса, его основные характеристики, место и соотношение с религиозным дискурсом. Для решения поставленной задачи необходимо выявить особенности англоязычного библейского дискурса на материале англоязычных версий Библии.

В современной лингвистике понятие «дискурс» еще не получило однозначного определения. Этот феномен все еще является дискуссионным и находится в центре исследований разнообразных научных дисциплин: лингвистики, семиотики, семиологии, социологии, когнитивной антропологии, философии языка, методологии науки, литературоведения, языкознания и др., о чем свидетельствует огромное количество работ отечественных [3; 4; 7; 14] и зарубежных ученых [15; 17; 20; 22; 24].

На сегодняшний день существуют различные толкования данного понятия, но, пожалуй, не предвидится такого его определения, которое можно было бы считать единственно правильным. Более того, нельзя даже утверждать, что все существующие сейчас дефиниции дискурса воспринимаются как синонимичные понятия [7, с. 19]. По материалам современных словарей, монографий и учебных пособий в базовом словаре лингвистических терминов приводятся такие определения дискурса, как «последовательность речевых актов, образующих связный текст, погруженный в экстралингвистический контекст; процесс речевой деятельности, а не завершённый продукт; цельнооформленная единица информации, характеризующаяся связностью, обусловленная лингвистическими и экстралингвистическими параметрами и представляющая собой совокупность текстов, имеющих схожие темы, принципы построения и одинаковые прагматические параметры» [27, с. 38].

Встречаются также следующие толкования дискурса: надфразовая взаимосвязь (совокупность) слов; устно-разговорная форма текста; взаимодействие, интеракция особенностей; диалог; полилог; речевая практика; группа высказываний, связанная между собой содержанием; языковое сочинение, т. е. письменное или устное содержание мысли; «язык в языке»; грамматически-фиксированный способ знакового закрепления социокультурных смыслов; текст, погруженный в определенную социокультурную ситуацию; коммуникативное событие; коммуникативно-прагматический образец речевого поведения [14, с. 36-43].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, которая по объему превосходит предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации он диалогичен [23, р. 1]. В. И. Карасик указывает на логическую связь между первым и вторым пунктами этого определения: «изучение языковых образований, превосходящих предложение, подразумевает анализ условий социального контекста» [5, с. 228].

Различное понимание дискурса в отечественном и зарубежном языкознании В. Е. Чернявская сводит к двум основным типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве», и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [цит. по: 5, с. 229].

Исследователи высказывают также мысль об отсутствии общепризнанной типологии дискурса. Относительно этой проблемы существует несколько взглядов: 1) Н. Д. Арутюнова выделяет такие типы дискурса: *деловой (законы, военные приказы, постановления), научный (научная терминология и теоретический текст), поэтический (поэтическая речь)*; 2) в рамках аргументационного дискурса А. Д. Белова выделяет *политический, юридический, академический, рекламный, деловой и бытовой дискурсы*; 3) отождествляя дискурс с жанром, Г. Кресс предлагает такие его типы, как *медицинский, расистский, юридический, политический* и др.» [3, с. 155]; 4) Г. Г. Почепцов среди основных коммуникативных дискурсов называет *теле- и радиодискурс, газетный, театральный, кинодискурс, литературный, дискурс в сфере «публичной речевой деятельности», рекламный, политический, театральный, неофициальный (нецензурный) дискурсы, религиозный, неправдивый, ритуальный, лайливый, этикетный, фольклорный, мифологический, святковный, невербальный, межкультурный, визуальный, иерархичный, ироничный* [12]; 5) Р. Барт выделяет *дискурсы поэзии, прозы и исторический дискурс* [15, р. 7]; 6) В. И. Карасик подразделяет типы дискурса на социолингвистические и прагматический; к первому типу он относит *институциональный (педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский) и бытийный дискурсы*, а ко второму – *юмористический и ритуальный дискурсы*.

Особенности вышеперечисленных подходов к типологии дискурса можно объяснить сложностью самого понятия, поскольку «дискурс – это речь, которая одной из своих сторон повернута к прагматической ситуации, а другой – к ментальным процессам участников коммуникации» [26, с. 137]. Поэтому анализ дискурса является междисциплинарной областью знания, которая находится на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, литературоведения, стилистики и философии.

Поскольку исследуемые нами тексты англоязычных версий Библии соотносятся с текстами религиозной тематики, рассмотрим подробнее особенности религиозного дискурса, который, по мнению В. И. Карасика, является разновидностью институционального дискурса. С позиций социолингвистики дискурс представляет собой институциональное общение, т.е. «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе» [5, с. 233].

Институциональный дискурс является особой, специализированной разновидностью общения между людьми, которые могут быть незнакомы друг с другом, но должны общаться в рамках норм данного социума. Ядром такого вида дискурса считается общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, начальника и подчиненного, журналиста и читателя, врача и больного, режиссера и актера. К ряду сложившихся

в обществе институтов (политическая деятельность, армия, судопроизводство, образование, коммерция) относится и церковь – религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности [25].

Г. Г. Почепцов выделяет два вида литературной формы религиозного дискурса: молитва и проповедь. Участниками первого типа коммуникации выступает Бог и обращающийся к нему человек, а участниками второго типа коммуникативного акта выступают священнослужители и прихожане. Проповедники выступают в качестве устных посредников между прецедентными текстами (библейскими текстами) и людьми [12, с. 93-94].

В. И. Карасик определяет стратегии религиозного дискурса в соответствии с его целями и жанрами: молитвенная, исповедальная, призывающая, разъясняющая и обрядовая. Эти стратегии реализуются в молитвах в виде искреннего обращения к Богу (прошение, покаяние, восхваление и благодарение), проповедях, представляющих собой истолкование священного текста и обрядах, являющихся дополнительным компонентом некоторого действия (венчание, отпевание, конфирмация, отлучение от церкви и т. д.) [5, с. 272-276].

Как видно из вышеприведенной классификации типов религиозного дискурса библейские тексты не включены в этот перечень. Одной из причин этого, возможно, является тот факт, что дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Термин «дискурс» отличается от термина «текст» тем, что не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [2, с. 136-137].

Однако мы считаем, что термин «дискурс» можно применить к англоязычным версиям библейских текстов, поскольку эти тексты (форма письменной речи) связаны с современной жизнью тем, что они «настраиваются» со временем и активно используются в обществе [9; 11]. Так, М. Фуко выделяет социально-историческую составляющую дискурса, определяя его как фрагмент истории [19, р. 117]. В связи с этим предлагаем ввести термин «библейский дискурс», который будет являться своего рода религиозным поддискурсом.

С учетом выработанных в социолингвистике моделей общения [16; 18] и предложенной В. И. Карасиком компонентной структуры религиозного дискурса [5], рассмотрим некоторые составляющие библейского дискурса в сравнении с религиозным дискурсом. Участниками институционального дискурса выступают агенты, те, кто играют активную роль в институциональном общении, и клиенты, те, кто обращаются к агентам и являются представителями общества в целом по отношению к представителям института.

Если в религиозном дискурсе агентами являются священнослужители, а клиентами – прихожане, то в библейском дискурсе агентами выступают авторы (создатели) англоязычных версий Библии, представители христианской религии, а клиентами – читатели, преимущественно принадлежащие христианским конфессиям. С целью подключить к полю общения на библейской основе больше участников, приобщить их к христианской конфессии в современных англоязычных библейских текстах используется инклюзивный язык [9], производятся субституции стилистически окрашенных архаизмов, а также слов, которые с течением времени приобрели отрицательные коннотации, на стилистически нейтральные [11].

Хронотоп в религиозном дискурсе четко очерчен. В качестве пространства, где воплощается религиозный дискурс, выступает храм, т. е. специальное сооружение, используемое для богослужений и религиозных обрядов. Для проповедей и обрядов время также фиксировано: отведенные часы службы в храме. Библейский дискурс, как и молитва (особый тип религиозного дискурса), резко отличается по своим пространственно-временным координатам. Библейские тексты можно читать в любые часы и в любом месте.

По своим целям библейский дискурс частично совпадает с религиозным дискурсом. Прочтение библейских текстов, помимо своей познавательной функции, в некоторых случаях может также приводить к приобщению к вере в рамках определенной конфессии (не только в проповедях, но и в библейских текстах есть призыв к вере и покаянию, назидание и утверждение в вере и добродетели).

В библейском дискурсе, как и в любом другом дискурсе, содержится вся информация о ценностях жизни. Определенная их часть сводится к ценностям веры: признание Бога, осознание греховности человеческой природы и добродетели понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение чуда, соблюдение обрядов. Суть религиозного дискурса состоит в открытом утверждении ценностей. Отличительной спецификой библейского дискурса является то, что, в библейских текстах ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми и выводимыми (повествования, псалмы, притчи, послания и т. д.).

Говоря о ценностях библейского дискурса, следует обратить внимание на ключевые культурные концепты этого дискурса: GOD, FAITH, HOPE, LOVE, LIFE, DEATH. Этот список можно продолжить, поскольку Библия содержит в себе всеобъемлющую информацию о мире, человеке и его поступках. Цели и жанры библейского дискурса определяют его стратегии. Главной целью библейского дискурса является приобщение человека к Богу и к нравственно-этическим ценностям человечества.

Библейские тексты представляют собой произведения разного рода жанров, каждый из которых определяет стратегии библейского дискурса в целом. Можно выделить следующие стратегии библейского дискурса: 1) утверждающую (повествования, деяния, откровение), 2) разъясняющую (притчи, иносказания), 3) призывающую (послания), 4) молитвенную (разного рода молитвы).

Материалом библейского дискурса в нашем исследовании являются библейские тексты англоязычных версий, созданные на основе прецедентных текстов, текстов Священного Писания, написанных пророческими языками. Языки, на которых впервые было изложено или записано, а впоследствии канонизировано то или иное вероучение, стали называть «пророческими» (пророческими) или «апостольскими» (посланными). Пророческие и апостольские языки были первыми культурными (ритуальными) языками, поскольку они использовались в богослужении. Становясь сакральными (священными) в силу неконвенционального восприятия знака, они постепенно выходили из общего употребления и со временем становились языками определенного культа (мертвыми языками) [8].

Библейские тексты, будучи одним из видов религиозных текстов, обладают *сакральностью*. Понятие «сакральные тексты» появилось в лингвистике для обозначения практически всех видов религиозных текстов [1].

В. Г. Адмони под сакральностью понимает некоторую дистанцию от утилитарного языка. Этот факт объясняется тем, что сакральные (религиозные) тексты, являясь откровением свыше, представляют собой, по терминологии В. А. Кухаренко, *закрытые системы* [6].

По мнению И. В. Рудик, сакральные тексты «завершены, закончены, их элементы не подлежат дальнейшему развитию, изъятию или замене. Это означает, что они не могут быть пересмотрены, ни подвергнуты дальнейшему развитию, а только истолкованы» [13, с. 60]. Тем самым тексты Библии представляют собой самый яркий образец закрытых систем. Действительно, тексты Библии, написанные на профетических языках, являются закрытыми системами, чего нельзя сказать о текстах, написанных народными языками (английским в данном случае). Представленный в работах Е. В. Михайловой анализ факторов, влияющих на создание англоязычных версий Библии, показал, что библейские тексты на английском языке (Ветхий Завет и Новый Завет) настраиваются синхронно со временем и эпохой, чтобы быть понятными современному на тот момент времени адресату [9; 11].

Таким образом, опираясь на существующие определения *дискурса* и принимая во внимание специфику материала нашего исследования, считаем целесообразным трактовать *англоязычный библейский дискурс* как *тексты англоязычных версий Библии, рассматриваемые в совокупности основных параметров (участники, хронология, цель, ценности, стратегии, материал, жанр) и библейского контекста в целом*. Такая дефиниция, по нашему мнению, является подходящей для возможных разнообразных исследований англоязычных библейских текстов в лингвокультурологическом аспекте.

Источники и литература

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / РАН Ин-т лингв. исслед. – СПб., 1994. – 153 с.
2. Арупонова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Дискурс іноземної комунікації (колективна монографія). – Львів: Видав. Львівського національного університету ім. Івана Франка, 2001. – 495 с.
4. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І. С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005. – 356 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – Одесса: Латстар, 2002. – 288 с.
7. Лук'янець В. С. Філософія дискурсу // Вісник НАН України № 10, К., 2000. – С.18-32.
8. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
9. Михайлова Е. В. Лингвокультурологический анализ англоязычных версий Библии в диахронии // Вестн. СевГУ. Филология – Севастополь, 2005. – Вып. 61. – С. 161-168.
10. Михайлова Е. В. Модификации фразеологизмов в англоязычных версиях Библии // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – Вып. 25. – С. 20-25.
11. Михайлова Е. В. Стилистические особенности англоязычных версий Евангелия от Матфея в диахронии // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – № 2 (22). – С. 75-80.
12. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації. – 2-е вид., доп. – К.: Видавничий центр «Київський університет», 1999. – 308 с.
13. Рудик И. В. Англоязычная проповедь как специфический вид речевого акта (фоностилистическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 2005. – 207 с.
14. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУП, «Фитосоцицентр», 2002. – 336 с.
15. Barthes R. The Discourse of History (translated by Stephen Bann) Comparative Criticism, 1981. – № 3. – P. 7-20.
16. Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 33-62.
17. Dijk T. A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – Lnd.: Longmans, 1977. – 261 p.
18. Fishman J. A. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Approach to Language in Society // Advances in the Sociology of Language. Vol. 1. The Hague: Mouton, 1976. – P. 217-404.
19. Foucault M. The Archaeology of Knowledge. – London: Routledge, 1972.
20. Hagen M. Does Ukraine Have a History // Slavic Review, 1995. – Vol. 54. No.3. – P. 658-673.
21. Schiffman H.F. Linguistic Culture and Language. – Great Britain: Redwood Books, Trowbridge. Wiltshire. – 1996. – 351 p.
22. Schiffman D. Discourse Markers. Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
23. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
24. Wodak R. Disorders of Discourse. London and New York: Longman, 1996. – 200 p.
25. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
26. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярэва. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
27. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.

Михайлова Л. И.

ОТМЕСТОИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Актуальность. Изучение деривационных связей местоимений в русских территориальных диалектах относится к числу недостаточно изученных и вместе с тем актуальных проблем русского диалектного словообразования. В работах по диалектологии, посвященных местоимению, предметом исследования обычно являются фонетические и морфологические различия местоимений в разных говорах или лексические особенности конкретных местоименных слов [1]. Сведения о морфемной структуре слова и о его месте в словообразовательном гнезде даются только в рамках комплексного анализа местоимений. Недостаточная изученность специфики диалектного местоимения и его деривационных связей в русских территориальных диалектах обуславливает необходимость исследования словообразовательного потенциала местоимений в говорах с привлечением необходимых этимологических комментариев. Характеристика диалектных корневых гнезд с местоименными корнями и анализ деривационных отношений в них могут выявить словообразовательные возможности диалектных местоимений в русских территориальных диалектах.

Постановка проблемы. В данной статье исследуются словообразовательные связи местоимений *весь* и *иной* в современных вологодских говорах (по данным «Словаря вологодских говоров» и «Словаря русских народных говоров»).

Местоимение является производящей базой для диалектных слов, относящихся к разным частям речи. От местоименных корней с помощью различных аффиксов могут образовываться существительные, прилагательные